

Дерево бодхи они посадили вместе, когда им было по двенадцать лет. Тогда Тань Юмина за то, что он без спроса увёл Шэнь Цзунняня из дома, Гуань Кэчжи наказала, заперев на ночь в семейном храме для размышлений над своим поведением.

Храм стоял спиной к горе. Как назло, ночью разразилась гроза с раскатами грома. Даже такой смельчак, как Тань Юмин, не на шутку струхнул и, дрожа, начал бормотать молитвы богине Мацзу.

Внезапно трёхметровые красные деревянные двери с протяжным скрипом медленно распахнулись. Снаружи никого не было. Тань Юмин от страха просто потерял дар речи.

Горный ветер не мог развеять ночной туман, а за резными окнами мелькнул чей-то силуэт. Тань Юмин широко раскрыл глаза и плюхнулся на молитвенную подушку.

Тень приближалась.

— Что ты делаешь? — раздался голос.

В тусклом свете свечей проступило мрачное лицо Шэнь Цзунняня. Тань Юмин уже был готов выдать тираду ругательств, но его взгляд упал на коробку с едой в руках друга, и он сглотнул.

М-да... он же сегодня так и не поужинал.

— Я тут чуть со страху не умер. Ночью здесь просто жутко!

Шэнь Цзуннянь, который не боялся ни призраков, ни богов и не верил в высшие силы, прислонился к стене и, наблюдая, как тот уплетает еду за обе щеки, бросил:

— И чего тут бояться?

Тань Юмин не хотел признаваться, что боится привидений, поэтому пропустил вопрос мимо ушей. Он был голоден и хотел спать, и лишь на половине порции вспомнил, что вообще-то отбывает наказание. Посмотрев то на статую Мацзу, то на Шэнь Цзунняня, он с сомнением протянул:

— Богиня не рассердится на меня?

Шэнь Цзуннянь, несмотря на юный возраст, был на редкость безжалостен:

— Тогда не ешь.

— Нет уж, я лучше поем, — Тань Юмин быстро нашёл компромисс. — А как доем, попрошу у богини прощения.

— ...

Покончив с едой, Тань Юмин вернулся на подушку, склонился в земном поклоне и неуверенно предложил Шэнь Цзунняню:

— Иди тоже поклонись. Ты же тайком принёс мне еду, лучше помолиться для успокоения

совести.

Он надеялся, что милосердная и всепрощающая Мацзу не прогневается на них, двух братьев по несчастью, а главное — защитит Шэнь Цзунняня, чтобы семья Шэнь больше никогда его не нашла, и он жил в безопасности.

Шэнь Цзуннянь, собирая пустую посуду, равнодушно и тихо ответил:

— Не нужно. Я в это не верю.

Если боги действительно существуют, то где они были, когда он молил небеса и землю о помощи, но никто не отзывался?

Он не верил в богов и Будд, он верил только в себя. Никакие высшие силы его не спасли. Его спасла семья Тань, его спас Тань Юмин.

Услышав такие кощунственные речи, Тань Юмин побледнел как полотно. Он быстро схватил друга за руку и заставил опуститься на колени:

— Тьфу-тьфу-тьфу! Богиня Мацзу, не слушайте его! Он не ведает, что творит, ребёнок ещё глупый, не сердитесь на него!

Он затараторил:

— Уж лучше накажите меня, меня зовут Тань Юмин, запишите всё на мой счёт! Только не слушайте его, у него... у него с головой не всё в порядке! Госпожа богиня, вы же милостивы, не судите строго дурачка!

— ...

Тань Юмин действительно боялся, что Мацзу покарает Шэнь Цзунняня. Выйдя на следующий день из-под ареста, он всё ещё был полон тревог, но к Гуань Кэчжи идти не решился. Пришлось по секрету рассказать всё Тань Чжуншаню и спросить совета у отца.

Тань Чжуншань не увидел в этом ничего страшного: детские слова, сказанные без злого умысла. Но, видя, как переживает сын, немного подумал и сказал:

— Ничего страшного. Посадите вместе деревце возле храма. Сажать деревья — дело благое, «одно дерево — одно бодхи». Сделайте это от чистого сердца, хорошенько извинитесь, и Мацзу поймёт, что вы хорошие мальчики.

Тань Юмин поверил безоговорочно и потащил за собой Шэнь Цзунняня, на лице которого было написано абсолютное непонимание происходящего, к управляющему.

Так у семейного храма появилось маленькое деревце бодхи. Шли годы, переплетались судьбы и карма, дерево прибавляло по дюйму зелени в год, взрослея вместе с Тань Юмином и Шэнь Цзуннянем.

После возжигания благовоний они вернулись в Зал Десяти Тысяч Тернов. На кухне тётушка

лепила пирожки в форме маленьких чудищ Нянь. Гуань Кэчжи стояла рядом, делая вид, что помогает, а на самом деле лишь мешая, попутно обсуждая сплетни — от скандалов в высшем свете Гонконга до тайных интриг вокруг бухты Виктория.

Тань Юмин не выдержал:

— Перестань сбивать тётушку с толку! Это всё слухи, поменьше читай «Вечерний Хуаду».

— Можно подумать, ты всё знаешь, — Гуань Кэчжи к Новому году сделала новую причёску — длинные прямые чёрные волосы. В отличие от других дам из высшего общества, предпочитавших ципао или вечерние платья, она была одета в простые джинсы и белую блузку со складками, что делало её невероятно молодой.

Тань Юмин взял пирожок и откусил:

— Я был на помолвке его дочери.

Вспомнив былые проделки этого человека, Гуань Кэчжи слегка сбавила тон и язвительно заметила:

— А, ну да, продал жену — теперь дочерью торгует.

Тань Юмин лишь закатил глаза.

Гуань Кэчжи была дочерью высокопоставленного чиновника. Ещё в молодости она отличалась острым язычком, а по частоте попадания на первые полосы газет могла потягаться с нынешним Тань Юмином. Отбоя от поклонников у неё не было.

Те, кому она нравилась, считали её благородной воительницей. Те, кто ненавидел, называли ведьмой. Чёткое разделение Тань Юмином любви и ненависти, его балансирование между добром и злом — всё это было семейной чертой, и заслуга Гуань Кэчжи в этом была неоспорима.

Тётушка, работавшая в семье Тань много лет, слушая их пикировки, больше похожие на комедийный дуэт, смеялась до слез.

Шэнь Цзуннянь приготовил лимонный чай и подошёл помочь Тань Чжуншаню с вином.

Тань Чжуншань сказал:

— Гуань Кэчжи заказала вам новые костюмы к Новому году. Их уже постирали и повесили в шкаф. Будет время — примерьте. Если что-то не так, отдадим перешить.

— Я видел, спасибо тёте Гуань.

— Не за что, — Тань Чжуншань, выбирая вино, перевёл разговор на дела: — В своё время мы обменялись акциями, чтобы ты смог как можно скорее вернуться в совет директоров «Хуаньту». Если сейчас планируется смена стратегического курса, «Пинхай», конечно, поддержит изменения.

Шэнь Цзуннянь провёл пальцем по бутылке.

Тань Чжуншань добавил:

— Решайте эти вопросы сами с Юмином, только...

— Не загоняй себя. Юмин говорил, что ты чуть ли не каждый день торчишь на работе. Заботься о нём, не забывай и о своём здоровье.

Тань Чжуншань был высоким и привлекательным мужчиной. Когда он не улыбался, от него исходила подавляющая аура власти, но в улыбке проглядывала юношеская нежность и обаяние.

— Да, дядя Тань, я всё понимаю, — Шэнь Цзуннянь начал декантировать вино.

— Если ты занят, а Юмин слишком назойлив, не потакай ему.

— Он не назойлив, — коротко ответил Шэнь Цзуннянь.

Тань Чжуншань похлопал его по плечу, с удивлением заметив, что мальчик уже перерос его. Указав на бутылку рислинга в руках Шэнь Цзунняня, он с улыбкой сказал:

— Давай лучше я с этим разберусь.

Гуань Кэчжи была крайне привередлива в вине: слишком терпкое — плохо, передержанное — тоже. Нужна была идеальная гармония, иначе она даже не притронется к бокалу.

Шэнь Цзуннянь передал ему бутылку.

Тань Чжуншань ловко перелил вино в графин в форме лебедя:

— В какой день планируешь поехать к своим?

Обычно Шэнь Цзуннянь не навещал семью Шэнь, но на Новый год был обязан почтить память старого господина Шэня.

— Ещё не решил. Посмотрю, когда Тань Юмин пойдёт развлекаться.

Тань Чжуншань задумался и с беспокойством предложил:

— Может... пусть Юмин поедет с тобой?

Хотя оставшиеся родственники семьи Шэнь не представляли никакой угрозы, он боялся, что кто-нибудь из них в праздничный день ляпнет что-то недоброе и ранит чувства ребёнка.

— Всё в порядке, дядя Тань, я справлюсь один, — ответил Шэнь Цзуннянь.

Тань Чжуншань, видимо, тоже вдруг вспомнил, как его пятнадцатилетний сын устроил разнос дядьям семьи Шэнь, и слегка смутился:

— Ладно, если что — говори нам. Веди себя там так же, как дома.

Рука Тань Чжуншаня на его плече была тёплой и надёжной. Шэнь Цзуннянь крепче сжал бокал:

— Я знаю, дядя Тань.

Новогодний ужин прошёл шумно и весело. У старого господина Таня было двое сыновей и дочь. Тань Чжуншань был старшим. Младший дядя Тань Юмина в конце года сопровождал правительственную делегацию на материк и должен был вернуться в Хайши только послезавтра. Тань Чжуншань не стал приглашать дальних родственников ради их фальшивой лести, так что за столом собрались лишь самые близкие.

Впрочем, там, где были Гуань Кэчжи и Тань Юмин, скучать не приходилось.

Они без умолку болтали, в то время как Тань Чжуншань и Шэнь Цзуннянь занимались подачей блюд и варкой мяса в китайском самоваре. Но даже полные тарелки не могли заткнуть рот этой парочке. Мать и сын не виделись какое-то время, и им нужно было обменяться целой горой сплетен.

Старый господин Тань и Гао Шухун слушали их с огромным интересом, и лишь Тань Чжуншань никак не мог вставить ни слова.

Шэнь Цзуннянь дома тоже был немногословен, но его руки не знали покоя: он положил куриное крылышко Гуань Кэчжи; зная, что Тань Чжуншань предпочитает говядину полной прожарки, держал мясо в бульоне подольше; старикам нельзя было есть слишком горячее и жёсткое, поэтому он остужал суп, прежде чем подать им.

Среди овощей, которые он выловил для Тань Юмина, затесалась морковь. Тань Юмин сделал вид, что ничего не заметил, и, увлечшись разговором, как бы невзначай отодвинул её на край тарелки, планируя позже незаметно сбросить в тарелку для костей.

Но от зоркого глаза Гуань Кэчжи ничто не могло укрыться. Указав на его тарелку, она небрежно бросила:

— Нянь-цзай, он морковку отложил.

Тань Юмин: «?»

Шэнь Цзуннянь, который как раз стоял у стола и опускал зелень в бульон, повернул голову и посмотрел на Тань Юмина.

Поймав его взгляд, Тань Юмин внутренне сжался, пытаясь оправдаться:

— Н-нет, я просто хотел подождать, пока остынет!

Гуань Кэчжи, прислонившись к плечу мужа, умирала со смеху. Гао Шухун тоже рассмеялась.

Тань Чжуншань промолчал, он никогда не вмешивался в воспитательные процессы старшего

сына над младшим.

Когда Шэнь Цзуннянь снова ушёл на кухню за едой, Тань Юмин нахмурился и проворчал:

— Боже мой, госпожа Гуань, почему вы такая вредная?

Гуань Кэчжи с притворным сочувствием покачала головой:

— Боже мой, Тань Юмин, почему ты такой трус?

После ужина Тань Чжуншань и Шэнь Цзуннянь ушли в чайную комнату обсуждать дела, а Тань Юмин и Гуань Кэчжи отправились в сад покурить, поболтать и растрясти ужин.

Они долгие годы были не просто матерью и сыном, но и настоящими друзьями. Мыслили оба весьма нестандартно, поэтому могли поддержать разговор на любую тему.

Гуань Кэчжи курила тонкие женские сигареты «1824». Зажав одну между пальцами с нефритовыми кольцами, она позволила Тань Юмину щёлкнуть зажигалкой.

Почувствовав, что Тань Чжуншань и Шэнь Цзуннянь вот-вот выйдут, они быстро затушили сигареты, подождали, пока выветрится запах дыма, и вернулись в гостиную.

Тань Чжуншань нахмурился:

— Кто курил?

Шэнь Цзуннянь посмотрел на Тань Юмина. Гуань Кэчжи, к его удивлению, тоже медленно перевела взгляд на сына.

Тань Юмин не мог поверить своим глазам: «??»

Он с мольбой во взгляде обратился к Шэнь Цзунняню, но тот, не проявив ни капли солидарности, бросил его на произвол судьбы и ушёл в свою Восьмиугольную башню.

Тань Юмин, сыграв несколько партий в маджонг с дедушкой и бабушкой, тоже юркнул в комнату Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь всё ещё доделывал последние хвосты по работе — это был международный проект, а иностранцы китайский Новый год не праздновали.

Тань Юмин бесцеремонно уселся на кровать, взял его телефон, проверил все переписки и только потом включил игру.

Поиграв немного, он дождался, пока Шэнь Цзуннянь оторвётся от экрана, поднял голову и с натянутой улыбкой язвительно предложил:

— Господин генеральный директор Шэнь, может, мне прямо сейчас отвезти вас в офис «Хуаньту»?

Шэнь Цзуннянь проигнорировал сарказм. Потерев переносицу, он устало спросил:

— Зачем пришёл?

Тань Юмин посмотрел на него с искренним недоумением, словно всем своим видом говоря: «А мне что, нужна причина?»

Он сбросил одеяло, встал с кровати и подошёл к огромному панорамному окну. Шэнь Цзуннянь смотрел на подушку, которую тот только что обнимал, погружившись в свои мысли.

Не замечая этого, Тань Юмин постоял у окна, а затем тихо произнёс:

— Шэнь Цзуннянь.

— Кажется, Новый год и правда наступает.

Проследив за его взглядом, Шэнь Цзуннянь тихо ответил:

— Угу.

Над далёкими холмами расцветали фейерверки, и грохот становился всё громче.

На самом деле, в бухте Виктория салюты пускали каждый день, круглый год, но Шэнь Цзуннянь не любил на них смотреть.

В детстве, когда его похитили собственные родители, ему завязали глаза и увезли в глухое ущелье. Громкий взрыв, раздавшийся перед самым его спасением, до сих пор часто снился ему в кошмарах, заставляя просыпаться в холодном поту.

Шэнь Цзуннянь помнил, что его родители были очень красивой молодой парой. В детстве он часто мечтал о том дне, когда эта милая, очаровательная женщина и тот статный, ласковый мужчина вернутся, чтобы навестить его.

И вот однажды они сказали, что отвезут его в парк. Маленький Шэнь Цзуннянь ничем не выдал своей радости, но в душе он ликовал, старательно натягивая новые чёрные кожаные туфельки с независимым видом.

Но на полпути он всё понял. Это была дорога вовсе не в парк. Ребёнок, чья жизнь висела на волоске, слишком рано обрёл пугающую чувствительность — к опасности, к людским сердцам, к человеческой природе.

Год, когда Шэнь Цзуннянь попал в семью Тань, выдался самым холодным за последнее десятилетие на этом тропическом острове.

Словно бездомная собака, избитый до полусмерти, похожий на умирающего щенка, он открыл глаза и первым, что он увидел, было лицо Тань Юмина.

— Ты очнулся! — пухлые детские ручки схватили его ладонь, и звонкий голос уверенно заявил:

— Не бойся, меня зовут Тань Юмин, а это мой дом.

Шэнь Цзуннянь попытался выдернуть руку, но не смог.

Он то впадал в забытье, то приходил в себя, и всё это время, целый день, его руку крепко держали.

В его первый Новый год в семье Тань Тань Юмин оказался первым и единственным, кто заметил, что Шэнь Цзуннянь боится звука петард. Хоть он и бормотал про себя: «С виду такой крутой парень, а на деле трусишка», но всё равно заботливо закрывал ему уши руками.

Руки у Тань Юмина были небольшие, но очень мягкие и тёплые. Они надёжно укрыли его от метелей той зимы и многих-многих последующих.

<http://bllate.org/book/17117/1603806>